

РУССКИЕ ШКОЛЫ И ВУЗЫ В МАНЬЧЖУРИИ 20—30-е гг. XX в.

Светлана Ивановна ЛАЗАРЕВА,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: ihae@eastnet.tebras.ru

Алла Николаевна ШПИЛЁВА,

доцент кафедры культурологии
ВГУЭС, г. Владивосток.

Статья посвящена роли русской эмиграции в развитии образования и науки в Маньчжурии в 20—30-е гг. XX в. В ней раскрываются особенности становления учебной базы, представленной как начальными, средними, так и высшими учебными заведениями, в которых дети эмигрантов могли получать не только теоретические, но и практические знания.

Ключевые слова: образование, наука, учебный процесс, национальные обычаи и традиции, образовательные системы.

THE RUSSIAN SCHOOLS IN MANCHURIA in 1920s — 1930s of the 20th Century

S.I. Lazareva. Cand. Sc (History) senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography (IHAЕ) of the Peoples of the Far-East, the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Vladivostok.

A.N. Shpileva. Associate Prof. of Culture Studies Dept. State University of Economics and Services

The article deals with the role of Russian immigration in establishing educational institutions ranging from primary and secondary schools to schools of higher education and developing science in Manchuria within the period 1920s — 1930s as well. It reveals the peculiarities of setting up these educational establishments where the children of Russian immigrants could acquire not only theoretical knowledge but also get practical training.

Key words: education, science, educational process, national traditions and customs, educational systems.

Система сохранения и развития традиционного российского образования и науки в Маньчжурии не имеет аналогов ни в одной другой стране расселения российских эмигрантов. Именно этим обусловлен интерес исследователей, занимающихся изучением наследия эмигрантской деятельности в Китае.

Русская колония в Маньчжурии состояла из старожилов, большей частью прибывших на строительство КВЖД и осевших на этой территории дальневосточного зарубежья до октября 1917 г.; эмигрантов-участников Белого движения и солидарных с ними, включая семьи ушедших в Китай в 1917—1922 гг., а также российских граждан, прибывших из СССР после 1922 г.

Основная масса беженцев поселилась в Харбине. Этот город, построенный в основном русскими и ставший центром российской диаспоры в Маньчжурии, жил традициями дореволюционной России. К 1929 г. в нём проживало более 160 тыс. чел., из них 30 362 русских эмигранта и 26 812 советских подданных. Всего же в 1930 г. в Китае насчитывалось 125 тыс. россиян, из них 110 тыс. обосновались на постоянное место жительства в Маньчжурии и лишь 15 тыс. — в других районах страны, из 110 тыс. чел. около 50 тыс. являлись советскими подданными [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 7, 8].

Русские эмигранты сумели сохранить родной язык, национальные обычаи и традиции, культуру быта и труда, способствовали модернизации образования и созданию такой образовательной системы, которая удовлетворяла практические запросы и духовные интересы не только русского, но и китайского населения. Она включала в себя общеобразовательные школы, гимназии, коммерческие училища, высшие учебные заведения. Характерной особенностью учебных заведений являлся билингвизм (преподавание на русском и китайском языках) и смешанное образование.

В Харбине были задействованы особые механизмы сохранения «русского духа», адаптации российских эмигрантов к местным условиям и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет. Русская школа в Маньчжурии не только выступала в роли хранительницы национальных ценностей, но и передавала молодому поколению, в том числе китайцам, большую часть русских достижений, традиций и культурного наследия. Исследование системы школьного образования показало, что оно базировалось на российской дореволюционной модели, которая включала в себя как начальные школы, так и средние учебные заведения.

Развитие школьного образования в полосе отчуждения КВЖД шло по двум статьям расходов: из средств управления дороги и от частной инициативы. Первая русская школа в Маньчжурии была открыта на средства КВЖД в 1898 г. в старом Харбине. Возглавил её педагог И.С. Степанов. Далее школы стали появляться не только в административном городе, но и вдоль железной дороги, в посёлках и на крупных станциях.

Преимущество при приёме отдавалось детям, чьи родители работали или были связаны с железной дорогой. За 10-летний период (с 1899 по 1919 гг.) появились школы на станциях Пограничная, Имяньпо, Бухэду, Мулин и в других населённых пунктах. Несмотря на тяжёлое положение в годы русско-японской войны, учебный процесс не прекращался, а школы продолжали строиться. Таким образом, возможность приобретать знания получили дети, проживавшие на станциях Маньчжурия, Хайлар, Цицикар, Чжаланьгунь [ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 42. Л. 44].

Рост населения в полосе отчуждения за счёт свободных поселенцев, не имевших отношения к деятельности железной дороги, вызывал также острую необходимость создания частных школ, гимназий и других учебных заведений. Потребовалось немало усилий, чтобы решить вопросы финансового, материального и кадрового обеспечения. Первая четырёхклассная гимназия была открыта в Харбине в 1903 г. М.С. Генерозовой, ранее преподававшей в Смольном институте Петербурга и отдавшей педагогической деятельности 35 лет. Школа работала на принципе самообразования [ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 78. Л. 186—190]. В 1906 г. она перешла в ведение Министерства народного просвещения.

В 1906 г. М.А. Оксаковская основала первую Харбинскую женскую гимназию. Воспоминания о времени учёбы в ней сохранила наша соотечественница, известная поэтесса и танцовщица восточной ветви русского зарубежья Ларисса Андерсен. В 1907—1908 гг. появились училища Бернштам и Пансошник, Богданова, Горелкина, Брагина. В 1909 г. открылись две мужские гимназии — В. Андерса и Рофаста (Дризуля) и Г.Н. Потанина. В 1925 г. в Харбине открылась гимназия Христианского союза молодых людей (ХСМЛ). Её программа была основана на традициях русской классической культуры, целью которой было развитие у молодого поколения эмигрантов стремления к упорной работе над своим образованием. Учащимся предлагалось самостоятельно выбирать пути и формы самообразования, создавались благоприятные условия для совершенствования христианской личности юношей и девушек. Вместе с русскими в гимназии учились поляки, сербы, татары, грузины, корейцы, китайцы. Это способствовало межнациональному сближению, расширяло познания гимназистов в области культуры, традиций, обычаев других народов.

Кроме теоретических курсов по истории, литературе, естественным наукам большое внимание в гимназии уделялось воспитанию у молодых людей высоких нравственных качеств и формированию гражданской позиции. В этом им помогали талантливые педагоги А.А. Ачаир-Грызов, Н.А. Мирандов, Т.П. Гордеев, Е.Н. Киструсская и др. Так, Алексей Алексеевич Ачаир-Грызов помимо преподавательской деятельности активно и вполне успешно занимался литературным творчеством, приобщая к нему талантливую молодёжь. Он был руководителем литературной студии «Молодая Чураевка», созданной на базе ХСМЛ как «независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского, русско-

го братства» в 1926 г. Молодым людям нравилось, когда учитель читал свои стихи, аккомпанируя на рояле. Здесь выступали с интересными сообщениями Вс. Иванов, Арсений Несмелов, Н.К. Рерих. Беседы и доклады, концерты и собрания, театральные постановки проходили еженедельно [1, с. 23].

Трудно переоценить роль школ и гимназий, позволивших родителям в условиях зарубежья дать детям русское образование и воспитание, сохранить родной для них язык, национальную самобытность и культуру.

В Маньчжурии сложились довольно благоприятные условия для образовательной деятельности в отличие от европейских стран, где также обосновались эмигранты «первой волны». В частности, в Германии, Франции со второй половины 20-х гг. дети эмигрантов, как правило, посещали местные школы. Русские же учебные заведения, которые функционировали лишь за счёт частных пожертвований самих эмигрантов и незначительной помощи со стороны правительств стран проживания, закрывались по причине скудности поступлений средств, а дисциплины, призванные знакомить детей с русской культурой, изучались частным порядком. К концу 1929 г. в странах Европы имелось лишь 37 русских средних школ, где обучалось около 5,5 тыс. учащихся [2, с. 360]. Это позволило Харбину занять лидирующие позиции в сохранении русской культуры. Дети эмигрантов в Маньчжурии, как правило, не посещали китайскую школу. У них был выбор между русской и англоязычной (английской или американской) школами. В большинстве случаев родители отдавали предпочтение русскому образованию.

Необходимо отметить, что подобные результаты сохранения традиций русской школы и их развития в чрезвычайно сложных условиях эмиграции были достигнуты также благодаря поистине подвижническому труду педагогов. Так, в школах КВЖД к концу 1930 г. трудилось 420 учителей, 77 чел. из них имели высшее образование, 101 неполное высшее, 73 среднеспециальное, остальные — среднее [3, с. 41]. Примечательно, что к этому периоду в школах не осталось педагогов с неполным средним образованием, тогда как десятью годами ранее их было около 50 чел. В период с 1922 по 1930 г. более чем в два раза возросло число учителей, имеющих стаж работы от 11 до 15 лет и от 16 до 20 лет. Менялся и возрастной состав преподавателей. Если в 20-е гг. основу педагогических коллективов составляла молодёжь от 20 до 30 лет и люди среднего возраста от 31 до 40 лет, то в 30-х гг. почти вдвое возросло количество учителей среднего возраста, имеющих хорошее образование, педагогический стаж и немалый жизненный опыт, что, естественно, сказалось и на качестве образования. Подобная картина наблюдалась и в других русских учебных заведениях Китая [4, с. 66].

В целях лучшей организации школьного процесса в 1906 г. был образован учебный отдел, которым в течение 20 лет руководил талантливый педагог, подвижник и администратор Н.В. Борзов. Созданное в 1908 г. Харбинское общественное управление (ХОУ) взяло на себя содержание

всех школ, где обучались дети родителей, не служивших на железной дороге. Расходы ХОУ на учебную часть составляли до 16% всего городского бюджета и имели тенденцию роста [8, л. 95]. В 1910 г. ХОУ получило полную самостоятельность в содержании своих школ, а частные и существующие на средства железной дороги школы находились под патронажем учебного отдела КВЖД.

За 10 лет со времени появления первой школы в полосе отчуждения КВЖД (1898—1908) вдоль линии дороги насчитывалось 18 начальных школ с 50 преподавателями и 1825 учащимися. Но уже к 1917 г. в Маньчжурии было 50 начальных школ (22 из них — железнодорожные), мужское и женское коммерческие училища, трёхклассная торговая школа и технические классы при Харбинских железнодорожных мастерских. Имелись две частные женские гимназии, частное мужское учебное заведение 1-го разряда, пять начальных школ и школа-приют для детей офицеров и нижних чинов пограничной стражи Заамурского округа, одно высшее училище, содержавшееся на средства ХОУ.

Следует отметить, что в русские школы принимались и китайские дети. К примеру, в 1903 г. в Харбине открылась Образцовая русско-китайская школа, в которой занималось 20 китайских мальчиков. В Цицикаре работала русская школа для китайцев, где учились 35 китайских детей [5, с. 158]. При главных железнодорожных мастерских в Харбине были созданы вечерние курсы, где учились и одновременно приобретали специальность русские и китайские подростки.

Повышенному вниманию к распространению знаний среди китайских детей способствовало то, что в Южной Маньчжурии, отошедшей после войны к Японии, японцы проводили активные преобразования в области образования. Подготовка будущих кадров для КВЖД, воспитание русских и китайцев в духе взаимной солидарности стало одной из важнейших забот администрации КВЖД. Учебные заведения, где обучались китайцы, строились и содержались за счёт дороги. По окончании среднего учебного заведения китайские подростки могли продолжить учёбу в России, а также в местных учебных заведениях [РГИА ДВ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 684. Л. 29]. Практика совместного обучения русских и китайских детей продолжалась и в советское время, но обучение для всех стало платным. Содержание одного русского ученика в школе 1-й ступени в 1926 г. составляло 69,9 руб., китайского — 77,5 руб., а в школе 2-й ступени — 137,7 руб. и 272,3 руб. соответственно. Разница в оплате объяснялась тем, что китайские учебники и методические материалы обходились дороже, чем русские [6, с. 199].

С переходом КВЖД в совместное управление заметно увеличилось количество школ для детей китайских служащих и рабочих. Принимались в них и дети частных лиц китайского происхождения. К концу 30-х гг. функционировали 16 городских и линейных, две частные школы, среднее учебное заведение, училище Пу Юй и специализированное училище под названием «Юбилейное техническое училище имени первого

председателя правления дороги Сюй Цзинчена». В них насчитывалось до 2 тыс. учащихся. Эти учебные заведения получали ежемесячную субсидию от управления дороги.

Школы, расположенные вдоль линии железной дороги, были в основном 1-й ступени. При училище Пу Юй были детский сад, классы низшей начальной школы, классы высшего начального училища и гимназический класс 1-й ступени. Училище Сюя было специализированным: первые три года изучали предметы общеобразовательного характера, а последние три года — приобретали специальность. Управление дороги не ограничивало приёма в эти школы, в них могли учиться дети не только служащих КВЖД, но и частных лиц китайской национальности. Они составляли 24,3% от общего числа учащихся, в то время как в русских железнодорожных школах процент детей частных лиц равнялся 12,7 [7, с. 32]. В целом потребность в начальном образовании детей служащих дороги китайской национальности была удовлетворена.

Наряду с организацией школьного образования в Маньчжурии русские эмигранты в эти же годы приступили к созданию системы высшего образования. В 1922 г. на базе Русско-китайского техникума после соответствующих преобразований был основан Русско-китайский политехнический институт, со временем ставший крупнейшим высшим учебным заведением среди шести русских вузов Харбина. Своим основанием институт прежде всего обязан КВЖД. Администрация дороги предоставила помещение, необходимое оборудование, а также приняла решение о выделении ежегодной субсидии в 75 тыс. руб. золотом. Помимо этого в финансировании проекта приняли участие Харбинский биржевой комитет и частные лица.

Коллегиальным органом института было правление, избиравшееся ежегодно из русских и китайских представителей. Российскую сторону представляли В. Ф. Ковальский, С. Ц. Оффенберг, П. С. Тищенко и др.; председателем правления избрали Н. Л. Гондатти, активного сторонника идей П. Столыпина, исследователя, удостоенного Большой золотой медали Русского географического общества. В 1911—1917 гг. им стал приамурский генерал-губернатор, после революции в России перебравшийся в Харбин и с декабря 1918 г. служивший начальником земельного отдела КВЖД. Первым директором и ректором был инженер А. А. Щёлков (1920—1925). Институт имел два факультета: электромеханический и инженерно-строительный, а также подготовительные курсы для китайских студентов. В 1926 г. были учреждены 10 кафедр, основан Институт руководителей по проектам и упражнениям, заведующие кафедрами получили статус профессоров. Под руководством нового ректора Л. А. Устругова начал действовать совет профессоров. В феврале 1928 г. вуз переименовали в Политехнический институт Особого района Восточной провинции, а в ноябре — в Харбинский политехнический институт (ХПИ), в правление которого вошли представители СССР на КВЖД и высшей китайской администрации [8, с. 525].

Десятилетний юбилей института был широко отмечен не только самим коллективом, но и общественностью Харбина. К тому времени было создано 17 кафедр и 4 доцентуры, число студентов составляло 902 чел. [9, с. 125—126]. В ХПИ преподавали С.П. Тимошенко, П.Ф. Козловский, О.М. Обухов, Н.К. Пафнутьев, П.С. Свиридов и др.

После оккупации Маньчжурии Японией (1934 г.) ХПИ был закрыт для русских студентов, а русский служебный персонал уволен. Однако часть бывших преподавателей организовала курсы при Христианском союзе молодых людей — Северо-Маньчжурский политехнический институт. Претерпев ряд преобразований, сделав наперекор всем трудностям два выпуска студентов, после освобождения Маньчжурии Советской Армией в декабре 1945 г. ХПИ открылся вновь. Должность ректора с 1945 по 1951 г. занимал профессор Ю.О. Григорович. К концу 1949 г. число выпускников составляло более чем 3500 чел. В связи с образованием КНР правительство Советского Союза 7 июня 1950 г. передало институт китайской стороне. К 1955 г. использование русского языка в ХПИ было отменено [8, с. 525].

Кроме политехнического института в Харбине в 30-е гг. работали ещё пять вузов, в которых обучалось более 1600 русских студентов. По числу наших соотечественников, учившихся в высших учебных заведениях, Харбин уступал только Парижу, где в 1928 г. насчитывалось 2385 русских студентов-эмигрантов [9, с. 125—126].

В 1920 г. русскими профессорами был основан Харбинский юридический факультет с тремя отделениями: юридическим, экономическим, ориентальным. В нём работали 34 русских преподавателя-эмигранта [ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 129. Л. 60, 75, 78]. В этом же году открылся и педагогический институт, в 1929 г. переданный китайцам. Среди его выпускников — О.М. Макарова, Л.М. Добржанская, К.М. Имшеницкая и др. Посвятившие свою жизнь педагогической деятельности, имевшие высокие гражданские качества, они стремились сформировать у студентов национальное самосознание, любовь к родине и всему русскому. Многие женщины, окончившие Харбинский педагогический институт, пошли работать в русские учебные заведения, которых к началу 30-х гг. насчитывалось 74 без учёта вузов, спецшкол, кратковременных курсов. Всего же в средних и начальных учебных заведениях в 1930 г. в качестве преподавателей работало более 150 женщин.

В 1925 г. открылся Институт ориентальных и коммерческих наук. Его выпускницей была М.Б. Карпова, ставшая впоследствии кандидатом экономических наук. Популярностью также пользовались Северо-Маньчжурский университет, где наряду с русскими обучались и китайские студенты, и Институт иностранных языков. К 1932 г. получили вузовское образование 6 тыс. русских [ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 41. Л. 8, 13, 14].

И если главной задачей начальной и средней школы было изучение родного языка и знакомство с русской культурой, то высшая школа рассматривала своё предназначение гораздо шире. Кроме подготовки сту-

денческой молодёжи к активной профессиональной и общественной деятельности ставилась задача создать русской интеллигенции условия для продолжения научной и творческой деятельности за пределами родины. Стремясь сохранить российские традиции, вероисповедание, культуру, преподаватели были искренне уверены, что готовят кадры для будущей России. Эта уверенность держалась на устойчивой убеждённости эмигрантов в скором возвращении на родину и желании дать достойное образование своим детям.

В начале 30-х гг. во многих странах, где проживали русские эмигранты, стали создаваться объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗы). Их целью было оказание всевозможной помощи нуждавшимся студентам, прежде всего, в успешном завершении образования, а также содействие в трудоустройстве русских специалистов. Одним из первых ОРОВУЗ появился во Франции. В 1932 г. при Харбинском комитете помощи русским беженцам был организован ДальОРОВУЗ под председательством профессора Н.Е. Эсперовой. Почётным председателем являлся генерал Д.Л. Хорват, учредителями стали 19 чел., в том числе Б.С. Румянцев, А.Е. Грачёв, М.М. Покровский и др. На первом съезде вышеуказанных объединений, проходившем в сентябре 1932 г. в Париже, представители шести стран, в том числе и Маньчжурии, приняли постановление, узаконившее деятельность объединения, а также его программу и устав. ДальОРОВУЗ помимо помощи студентам-эмигрантам в Китае изыскивал возможности обучения молодых людей в других странах, в частности в США. В первый год своей деятельности организация насчитывала 76 чел., но уже через год было 159 чел. Это были юристы, педагоги, синологи, инженеры из Харбина, Шанхая, Мукдена, Тяньцзиня.

Японская оккупация Маньчжурии подвергла последовательной «японизации» всю систему образования. Этот процесс начался ещё в 20-х гг. на территории Квантунской области и в зоне отчуждения КВЖД. С марта 1932 г. в Маньчжоу-го стали прибывать японские специалисты различных областей образования, началось издание новых учебников, учебных пособий и другой методической литературы, в основу содержания которых были положены морально-этические принципы конфуцианства. Цель создания новых учебников — дать интерпретацию с позиций Японии внутренним и международным событиям, воспитывать у молодёжи и населения лояльное отношение к режиму и побуждать к сотрудничеству с Японией. Уже в 1935 г. открылось 280 школ японского языка [ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 41. Л. 15, 18].

В 1937 г. была проведена реформа народного образования, которая не могла не затронуть и русскую диаспору. Японские власти стремились создать такую систему образования и воспитания, которая способствовала бы формированию у молодого поколения прояпонских убеждений, обеспечивая тем самым сохранение политического и экономического господства Японии в Маньчжурии. Для достижения этой цели все

учебные заведения, в том числе и эмигрантские, переводились на единые учебные программы и централизованное управление.

В связи с реформой были закрыты русские частные учебные заведения: гимназия Я.В. Дризуль, Объединённая гимназия, возникшая в 1935 г. на базе слияния гимназий М.С. Генерозовой и Пушкинской, учебные заведения М.А. Оксаковской, Первое реальное училище, Алексеевское реальное училище, Первое общественное коммерческое училище, которое было перестроено в Первую Харбинскую русскую школу языкознания, где основу преподавания составляло обучение японскому языку. По особому разрешению властей сохранилось несколько частных школ: детский сад и школа Чесноковой, детский сад и школа Тороповой, еврейские и мусульманские начальные школы.

В мае 1937 г. все эмигрантские школы были переведены на трёхступенчатую основу: первая ступень — начальные школы, вторая — повышенные народные школы, третья — высшие народные школы с четырёхлетним циклом обучения. Учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях строился в духе принципов Ван-Дао. Стратегия образования и просвещения разрабатывалась идеологами из Кио-Ва-Кай, «духовного фундамента» государства. От решения особого отдела этой организации зависела также и судьба самих учебных заведений. На губернских съездах Кио-Ва-Кай решались вопросы, связанные с функционированием учебных заведений (организация учебного процесса, снабжение школ, разработка направлений и форм воспитательной работы и т.д.).

Тем не менее в тяжелейших условиях оккупации 30—40-х гг. в Харбине продолжали действовать старые учебные заведения и даже возникали новые. Например, Приют францисканок (основательница игуменья Мария Де-Лянж), Приют урсулинок (основательница игуменья Мария Сливовская), Высшая народная школа Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (директор Ф.К. Мухачёв), Народная школа на Почтовой улице, Затонская школа, а также несколько профессиональных школ [10, с. 15].

Старшему поколению эмигрантов потребовались большая изобретательность, дипломатический талант и настойчивость, чтобы в условиях оккупации найти адекватные времени и условиям формы образования и воспитания, которые позволили бы новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней любовь и духовную привязанность.

Преодолевая трудности, развивалась и научная жизнь дальневосточной эмиграции. В 30-е гг. в Маньчжурии находилось около 200 русских учёных. Из Владивостока вместе с другими беженцами выехала группа профессоров Томского, Иркутского университетов, других вузов Дальнего Востока и Сибири. Среди них Н.В. Устрялов, И.Г. Баранов, Е.М. Чепурковский, Б.В. Скворцов и др. [11, с. 301]. Дальневосточный государственный университет вынуждены были покинуть такие известные профессора, как В.А. Рязановский, С.М. Широкоглазов, Г.К. Гинс, и др. Уезжали и целые научные династии. Семья Елисеевых дала зарубежью трёх выдающихся исследователей. Сергей Григорьевич являлся ведущим

специалистом по Китаю и Японии, а его сын Никита Сергеевич — признанный знаток Ближнего Востока, второй сын Вадим Сергеевич продолжил исследования отца, а позднее был директором музея китаеведения в Париже [11, с. 303].

Харбин стал подлинным центром русской науки, где в разные периоды действовали 11 высших учебных заведений с выдающейся русской профессурой. Харбинский юридический факультет внёс заметную лепту в интеллектуальную жизнь русского зарубежья. Уровень, на котором проводились исследования, был столь высок, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность и сегодня. Помимо собственного журнала харбинские профессора и лучшие студенты печатались в иностранных изданиях, писали монографии. Так, Г.К. Гинс и В.А. Рязановский активно занимались изучением проблем международных отношений, проводили анализ политической ситуации и права в Монголии. Значительная научная база в Маньчжурии способствовала созданию научных обществ. В 1929 г. в Харбине было образовано Общество врачей, учредителями которого стали известные врачи Г.А. Бергман, А.В. Линдер (председатель), М.К. Коровко, С.Е. Мазин, В.Ф. Серебряков и др. [ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 78. Л. 219]. За десять лет общество провело 102 научных заседания, на которых было заслушано 122 доклада, подготовлено несколько выставок новейшей аппаратуры. Члены организации приняли непосредственное участие в борьбе с холерой и другими заболеваниями. В этот же период самостоятельно и плодотворно действовало Общество молодых фельдшеров и акушеров под председательством М.Т. Попова. 17 лет работало Учительское общество под председательством директора Высшей народной школы Ф.К. Мухачёва, в состав которого входили эмигранты-педагоги.

Общество инженеров состояло из двух ветвей: объединения русских инженеров, получивших высшее техническое образование в специальных учебных заведениях императорской России (председатель — талантливый инженер М.М. Осколкова), и союза российских инженеров, закончивших высшие учебные заведения в Маньчжурии и других странах, который возглавлял Н.И. Калугин [11, с. 305—306].

Под руководством профессора Н.И. Никифорова в Харбине действовало объединение русских журналистов, целью которого была защита профессиональных, экономических и правовых вопросов русских журналистов в эмиграции [11, с. 307—308]. В кругах научной интеллигенции дальневосточного зарубежья достаточно известны были Общество русских ориенталистов (1922), Общество изучения Маньчжурского края (1922), Национальная организация исследователей-пржевальцев (1929) и целый ряд других научных организаций и кружков. Общества ежегодно издавали научные журналы, сборники, где публиковались отчёты экспедиций, итоговые результаты крупных исследований, статьи по широкому кругу проблем. Большой популярностью пользовались такие издания, как «Экономический вестник Маньчжурии», Статистические ежегодники, «Вестник Азии», «Известия Общества изучения Маньчжурского края»

и др. С 1922 по 1928 г. Обществом изучения Маньчжурского края было издано 70 тыс. книг, 10 выпусков «Известий», 16 «Бюллетеней», 9 «Трудов» [ГАХК. Ф. 380. Оп. 1. Д. 112. Л. 123].

Значительная роль в организации научной деятельности принадлежала ДальОРОВУЗу. В 1932 г. при активном участии объединения было проведено торжественное совещание, посвящённое памяти выдающихся русских учёных, — академика С.Ф. Платонова и профессора А.А. Кизеветтера. Культурно-просветительская работа проводилась в форме «чашек чая», «интеллектуальных центров». На них собирались для общения литераторы, историки, философы, экономисты, юристы, происходил обмен идеями, обсуждалось положение дел в России, распространялась информация о достижениях в науке, литературе, искусстве, истории и др. Целям просвещения служили секции при ДальОРОВУЗе: восточно-экономическая, инженерная, физико-математическая и др. В 1933 г. появилась секция отечествоведения и кружок изучения России.

Важную роль в системе образования и научно-исследовательской деятельности играли библиотеки, хотя их фонды были не столь богаты. Наибольшей популярностью пользовались библиотеки Коммерческого собрания, Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) и др.

Следует отдать должное российским эмигрантам в Маньчжурии, сумевшим в трудных условиях не только сохранить русское образование и науку, но и обогатить их новыми идеями, глубокими теоретическими исследованиями, которые ещё предстоит изучить и осмыслить другим поколениям учёных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. 483 с.
2. Руднев В.В. Судьбы эмигрантской школы // Хрестоматия. Педагогика русского зарубежья. М., 1996.
3. Поляков Д. и Эльтеков Б. Железнодорожные школы для детей граждан СССР // Вести Маньчжурии. 1930. № 18.
4. Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии: краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996. 96 с.
5. Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М.: 1991. 245 с.
6. Кузнецов В.С. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4.
7. Филиппович К. Советские и китайские школы на КВЖД // Вестн. Маньчжурии. 1926. № 5.
8. Приморский край: краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
9. Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. 188 с.
10. Рубеж. 1938. № 3.
11. Великая Маньчжурская империя (10-му юбилею). Харбин, 1942. 416 с.
12. ГАХК (Гос. архив Хабаровского края).
13. РГИА ДВ (Российский гос. ист. архив Дальнего Востока).